

«Барнаул»

Шукшин, Высоцкий, Заволокин шли
по дороге в Петербург.
Навстречу – Бунин, Блок, Есенин
сходить решили в Барнаул.
И вот – сошлись на поляне. Есенин
вытащил стакан:
– Ну что, – сказал он, – россияне: за тех,
кто честно отпахал!
Шукшин сказал мне: на Алтае есть
славный город Барнаул,
Поклялся мне на стеклотаре, и верю я –
не обманул.
Пойдёмте, братья, в ширь Сибири,
напьёмся ветра допьяна,
Пусть знают все в подлунном мире: там
в чашах плавает луна...
...Едва подняли чаши с пуншем – идут
Твардовский, Тютчев, Пушкин.
Едва открыли банки с пивом – Вампилов,
Лермонтов, Шипилов,
Едва открыли путь к вину, чтоб пить
за милую страну –
Жуковский, Гоголь и Державин подходят
выпить за державу!
А с ними Фет и Лев Толстой – его стакан
уже пустой.
– Давайте выпьем за Победу! –
воскликнул с ходу Грибоедов,

А Тютчев, склонный к афоризму,
добавил гордо: За Отчизну!
– Ура!!! – воскликнул Маяковский. –
И за солдат! – твердил Твардовский.
– И за Москву! И за народ! – вскричал
Аксаков-патриот.
– Пока свободою горим!.. Уж мы пойдем
ломить стеною!..
– За Родину! И за Сибирь!.. А он вчера
не вернулся из боя...
– Мы – Русские! – Какой восторг! – слова
Суворова исторг
Иван Овчинников, чей полк
фольклорный, знает в Слове толк.
– Я помню всех – за далью-даль, –
перекрестился грустно Даль.
– Калина красная... – вздохнул Шукшин,
а с ним и Пушкин, и Шеншин...
...На небе высветились Знаки, возшла
Алтайская луна.
Все полегли на бивуаке и пили воздух
допьяна.
Поэты спали... Что им снилось? Во сне
за Родину молились...
Они давно в неё влюбились, они
за гордость её бились...
...Уж с ними месяц прикорнул. Есенин
встал на караул,
И на груди его светилась медаль за город
Барнаул.

Пригородный вальс

...Здесь осталась большая поляна –
Не вернулась в рыдающий лес.
Химзавод прикупил фортепьяно...
Танцплощадка, качели, навес...

Здесь «москвичка» танцует с фуфайкой,
А жакетка ударилась в грусть –
Сердце бьётся под красною майкой:
Ну и пусть... ну и пусть... ну и пусть...

А подружка к болоньевой куртке
Прижимаясь своим свитерком,
На высокого смотрит, в тужурке,
Что когда-то был с нею знаком.

Он проносится с кралей в косынке,
Запрещённое тело руля,
И плывёт над землёй, как с пластинки,
Драгоценное имя ея.

Если б знал гитарист и ударник
Как не хочется больше ей жить! –
Ведь её кавалер и напарник
Продолжает подружку кружить.

И она, на манер парижанки,
Со слезами смахнув фон де тен,
Попадает в объятия кожанки –
Прямо в лапы родных госсистем.

Ну, а та, без особой причины
Принимая портвейна стакан,
Говорит всем, что лучший мужчина –
С золотыми зубами цыган.

Кое-как отлепились от стенки
И пошли танцевать подеграс
Шаровары шальные шатенки...
Клэш + джемпер = вальс.

Да ещё «шестиклинка» в веснушках
Закружила кудрявый «вельвет» –
На щеках её пудра и мушка
Отвергают понятие «нет».

Дышит кофточка «Красной Москвою»,
И томлением грудь налита:
Ведь примаран помадой губною
Воротник на сорочке мента.

И в матроске, и в блузке, и в юбке,
Излучающих сладостной стон,
Заводские родные голубки
Погружаются в танец бостон.

Ах, как хочет ворюга в законе
Пригласить после танцев в кино, –
Но готовы к труду, к обороне
Крест натальный и знак ГТО.

А бухгалтер поправит бюстгалтер,
А лифтёрша придержит свой лиф,

Если здешний родной «гастарбайтер»
Прикоснётся, глазыщи залив.

Здесь проходят по лезвию бритвы
Парни – те, кто ещё не служил.
И жужжат заельцовские битлы,
И свистят с плексиглазом ножи.

Здесь сидят на скамейках старухи –
Наша гордость и совесть, и честь.
И проносятся внучки и внуки –
Наша новая русская жесть.

И закружит на долгие годы
Память Первой Сибирской любви,
И прольёт на них сладкие воды
Ветер родины с милой Оби.

Я спускаюся к ним на площадку,
Я со всеми кружусь наугад,
Я шепчу им: все будет в порядке,
Пока я здесь – слепой музыкант.

Ночь в сентябре

Помолившись, я вышел в тот вечер
с безумной надеждой на Красный.
Дул сентябрь, и стоял как всегда на посту
молодой ветерок.

Это было прекрасно: она из машины,
летевшей на Красном на красный,
Улыбнулась, одетая в красный,
ну то есть, почти голубой свитерок.

Я бежал за авто. Я толкался двумями
ногами,
Но я был не один: и студент, и военный
солдат, и нацмэн
Обгоняли меня, упираясь своими
шестью сапогами –
Я бы так, в сапогах, никогда бы за нею
бежать не посмел.

Осторожно ступая своими / моими
большими шагами,
Увеличив число и количество искренних
чувств,
Я приблизился к ней, окружённой моими /
своими врагами,
А она трепетала, как яблони розовый,
с привкусом горечи, куст.

Была жажда познания груди золотой и
УЗИ комсомольского сердца,
Чтоб горели потом у ней дома припухшие
губы, и сладко ныл низ живота,
Чтобы уже никогда-никогда не могли
от разлуки навеки стереться
Две улыбки бесстыжих у взятого силою
сладкого рта.

Мы лежали втроём: я, она и серебряный
 месяц под номером 8,
Чтоб разлёгся один на её голубом,
 покрасневшем слегка, свитерке,
И от слитков груди золотой, и от плеч её,
цветом в безумную осень,
Я внезапно отвлёкся, увидев, что нету
прививки от оспы «пирке»
у неё на руке.

Как же так... Быть не может такого...
Ведь это ж – скандал...
Как ей жить без прививки, ведь это ж –
безумие... Как же любовь?..
Хорошо ещё, что у меня под окошком
есть озеро, море и горводоканал,
Пусть играет она с дождевою струёй,
зарифмованной в чёрную бровь.

Я как в водку глядел: среди этой огром-
ной сибирско-египетской ночи
Вдруг затрясся мотор, и вовсю застонало
ближайшее к морю крыльцо:
У неё на лице хохотали огромные
 гордые очи:
Это были, конечно, студент, и военный
 солдат, и кацо.

Ну ещё бы: без них в Слезный день
 обойтись было б странно и скушно.
Я схвачуся двумя руками за мой, свой
 военно-грузинский баян:
Сразу станет светло, как в стихотворении
Александра Сергеевича Пушкина,
И застонет меж пальцев поющий мехами
тончайший кавказский сафьян.

О: она оказалась психолог, и психи прим-
чались от психа спасать госпожу.
Допекли... аж на Красном на красный вся
 в красном летела на бешеной скорости.

Хорошо ещё: я без зазрения совести
 по ночам санитаром служу
В этой повести в области чувств
Новосибирской лирической области.

...Да пошли-ка вы все в отдалённое
 самое тёмное мягкое место.
Не шутите при мне между ног молодым
 ковылём.
Я люблюсь на вас, как на женщину
 в форме протеста,
Когда девичья русская грудь на глазах
 набирает объём.

Ветер дунет в лицо. Я опять и опять
 упаду на колени.
Всей своею душою, живущей сознательно
 в сердце моём,
Говорю вам как друг, как товарищ,
 как юноша девушке в образе лени,
Когда мы остаёмся под вечер с тобою
 на свете вдвоём.

Ну и ладно. И пусть. Этот миг будет тоже
 большим и прекрасным.
Помолившись, я выйду и лампу чубайса
 среди яблонь в цветущую розу вкручу.
Всё равно свитерок голубой за ночь стал
до предела насыщенно красным,
Ну, а кончится ток, я серебряный месяц
тебе на дорогу, родная, рыдая, включу.

* * *

*Евгению Лазарчуку
с вечной памятью о нашей юности*

Отчего в этом доме светло...
Это бревна прогрелись за лето,
Да ещё два окна под ветлой,
Как глаза, переполнены светом.

Отчего на душе так темно...
Это кони мои под ветлою
Ливнем шёлковых грив мне окно
Занавесили чёрной фатою.

По ночам меня душит ботва
За мои неуёмные речи,
И цветы – полевая братва –
Заплетают мне руки и плечи.

И всю ночь полевая луна,
Протекая сквозь ситец оконный,
Своим красным вином допынка
Наполнл золотые иконы.

Или это бессонницы бред:
Это сам я качаюсь пред ними,
Это их исцеляющий свет
Сохраняет меня неувредимым.

Отцвели кумачи на Руси,
Отошли комсомольские пасхи.
Светлый сонм деревенских святых
Пополняют слепцы и подпаски.

Не заглянет в окошко мой дед –
Он с 16 лет – враг народа.
И меня в этой комнате нет –
Я расстрелян среди огорода.

Пролетел через грудь мою шмель
Из ствола пионерского горна,
И московской любви карамель –
Поперёк деревенского горла.

...Хорошо, что успела луна
Нацедить свой напиток игристый.
Эту лунь выпивая до дна,
Расчешу своим шомполом гривы.

Этим соком я стёкла протру,
Осветлю потемневшие брёвна,
Чтобы в хлынувший свет поутру
Сердце билось и тонко, и кровно.

На душе и темно, и светло:
То луна, то деревья, то кони,
То ветла обнимает окно:
Это было всё, Саша, съскони.

Только я все стихи променял
На слова совершенно простые,
И не вспомнит, наверно, меня
Золотая деревня Россия.

1978

* * *
Покрести на дорогу мне сердце
и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком
лице.
В час вечерний у рощи прощальной
прощенье нам выпроси,
Где стонал соловей и дрожали огни
на ВЦ.

И за рощей за той, причиняя земле
ожидание,
Осень красное платье снимает и дарит
тебе.
Вот и будет теперь на лице у меня
два страдания:
Как мне вас различать и кого мне любить
в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет
собирает от сокола,
И сойдутся они над моей головой
в небеси,
И перо упадёт мне под ноги с гусяного
локона,
Чтобы я написал тебе мёртвое слово
прости.

Пусть уж лучше как встарь золочёным
замком сердце заперто,
Пусть соловушка в роще осенней уронит
ключи,
А зима подойдёт – упадёт в этом месте
он замертво,
И сожмётся сердечко, как красный
кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому
русскому снегу,
Чтоб играла метель в васильки, васильки,
васильки,
Но ударил вернувшийся сокол
под сердце с разбегу...
...Гусь летит в середине рыдающей
русской строки.

Гул истории

В Санкт-Ленинград уехавший мой друг
Прислал письмо с железными слезами,
Что он вчера напился, как Ликург,
И ночевал один под образами.

И дальше: с императором Петром
Всю ночь мы подбирали убиенных
Блокадников... Он выдохнул
осунувшимся ртом:
С сегодняшнего дня – не брать
военнопленных!

Я – к Жукову, а ты ступай бегом
На Воскресенскую, к хирургу Пирогову –
Фашистам отомстим за каждый дом,
Зашьём, залечим раны городу Петрову.

... Потом Нева нам хлынула в лицо,
В ней «умывали руки» наши демократы,
Спеша собча – подлец за подлецом,
И гоготали, как немецкие золдаты.

Мы отдали Пергамский им алтарь,
А Киево-Печерские святыни
По Сотби и по Кристи та же тварь
Пустила в распродажу по полтине.

Фрондёры, диссиденты, либералы –
Пока Россия подымается с колен,
Зализывая ельцинские раны,
Под грязный «дождь» идут сдаваться
в плен.

Нет беса в небесах простому люду,
Что исполняет на земле свой вековой
медовый труд,
Пока интеллигенты рекламируют Иуду
И сами превращаются в иуд.

Какое сердце здесь не вострепещет
Средь поношений, травли и досад,
Но русский штык в руках Петровых
блещет
В боях за гордый город Ленинград.
Мы всё равно осилим эти муки
И упраздним врага, и истребим,
А нынешние либеры и суки
Пускай ползут в разгромленный Берлин.

Земля в России любит пить дожди,
И солнечное золото течет
в великорусские равнины,
И на штыках и блещет, и горит,
Стекая в полковые карабины.

Имперской всенародной русской кровью
Омыли мы святой иконостас,
И кто помазан сей Христовою любовью –
Тот Родину не выдаст, не продаст.

В Санкт-Ленинград уехавший мой друг
Прислал письмо с весёлыми слезами,
Что он вчера напился, как хирург,
А император спал под образами.

Бирюза

Само собою родилось стихотворение
С названием спокойным «Бирюза»
О том, как потерпел я поражение,
Взглянув в невооруженные глаза.

Их склонность к созерцанию предметов,
Таких, как неподвижный солнечный поток,
Чтоб после плакать из очей невыносимо
синим светом,
По венам разгоняя кровотоков.

Я был с тобой вполне неосторожен,
Эксплуатируя твои небесные глаза,
И понимал, что с каждым днем дороже
Мне будет обходиться бирюза.

И в миг, когда смеялась ты двумя обоими
очами,
Спокойными, как солнечный поток,
Я понимал, о чём они мне горько
промолчали
Через к лицу приложенный платок.

И в дни любви бегом сбежал от счастья –
От глаз, что разгоняли кровотоков,
Но их родная голубая гравитация
Не отпускает, словно солнечный поток.

Я знаю, что вернусь, мучимый этим
светом,
Иначе – мне не жить, иначе – мне
нельзя...
Увижу, что ты спишь под маленьким
портретом,
В котором доминируют небесные глаза.

Встаём!

Неописуемая красота бессмертной
нашей Родины,
Её глубокое и мощное величие,
И небо русское пока ещё не продано,
И Родины душа – как честь девичья.

Мы родились в стране с красивым
именем Россия:
Мать – Русь, славянская Крестьянка,
Отец – советский Офицер – СССР,
Россия-Дева – гордая осанка...
Её – враги готовят на расстрел.

Отца убили подло, зло и зверски –
Нашлись «заморские предатели»
в стране:
Сумели даже корпус офицерский
Запутать и оставить в стороне.

Мы не забыли как иуда-демороссия
Буквально за три года уничтожила
великую страну,

А на Болоте вновь растёт библейская
осина
И будет ждать очередного сатану.

Нет, не забыли мы, как янки нас травили
спирт-ройялем,
Травили трафиком уса-афганистан –
В берлине танки Жукова усы им
подравняли,
Осталась ещё сдача: получите по усам!

Галетой ихней сыт не будешь
по ленд-лизу,
А с русским хлебушком с заштопанных
полей
Ломали рейх гвардейские дивизии
Под львиный рёв армейских батарей.

Хотели нам втереть «перезагрузку»,
Хотели русским душу загрузить...
Народ советский выдержал такую
перегрузку,
Когда от немцев прятали вы
собственную гузку...
Нам – не до этого, нам надо с Богом
жить.

Россия оплатила цену жизни кровью
из аорты.
Кольцо сжимается. Война опять у нашего
порога.
Перекрести нас, мама, мы уходим
в маршевые роты:
Вставай, страна, тревога, брат, тревога!

Гроза пришла как и всегда из [заграницы],
Когда мы шли, усталые, с заштопанных
полей к себе домой.
Пожарища, ракетные зарницы и ливни
с водородною водой
Преображали в ярость наши лица –
Укрыться было некогда и негде...
Тогда израненный фантомами отец
Повел нас прямо в пекло, прямо в пламя –
Его лицо светилось, словно в храме,
Его рубаха трепетала, словно знамя,
Он поступал как мститель и стрелец –
За Землю русскую ответчик и истец!
Мы молнии крестьянской рукой
Вращали, возвращая к потомаку...
И выдохнул отец: за Родину! В атаку! –
Струя рукой расплавленный свинец:
Кто нападал – тому пришёл конец!
И потому – для избранного русского
народа

Жизнь не стареет в Дни Победы
никогда! –
Россия вышла из огня, где нету брода,
Глотнуть весны живого кислорода
с заштопанных полей ...
Да вот беда – война опять у нашего
порога:
Вставай, страна! Тревога, брат, тревога!

К ночи верхом на деревьях с улыбкой
проскачат нездешние всадники:
Видимо, в гривы деревьев вплели они
девичий смех.

Голая осень будет смиренно стоять
в палисаднике,
Ждать, когда грудь искушает ей
юноша-снег.

К ночи хозяйка моя, у которой я, юноша,
жил целый год, постоялец,
Будет ходить по избе, не стесняясь
своей наготы.

Если к груди невзначай прикоснусь –
у неё на щеках выступает
мгновенный румянец,
А средь зимы к дню рождения её на окне
расцветают живые цветы.

К ночи прискачет мой клён
с разноцветной смеющейся гривой.
Голая осень выйдет меня в палисад
проводить.
Я наклонюсь к ней, целуя: пускай она
будет счастливой-счастливой
И каждый год обязательно
всадника-юношу ждать.

«Non-stop!»

Неважно: вольно иль не вольно –
Не троньте русских – будет больно!

Молитесь Господу за Родину –
Она пресветлая нам Мать!
Спешите ей молитв мелодии
От Божьей Матери имать.

Молитесь в церкви и по радию –
Дар русской речи обретая,
В родном краю и в эмиграции,
И на пределе бытия.

Храните речь великосветскую
И говор русских деревень,
Старославянскую, советскую –
Как сборник самых светлых дней.

Так птичьи крики на гайтане
Пред грустью долгого пути
Проистекают из гортани
И просят: Родина, прости.

Кто небрежит своею жизнью,
Чтоб только Родину сберечь, –
Тот будет сохранен Отчизною
И заключён в родную речь.

Красавица

Слава Богу: метет и метет.
Зги не видно. А ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперед,
Разгоняясь до самого Бийска.

О, тут чудится русский дорожный сюжет:
Бесы, волки, любовь и погоня –
Снег белей, чем крахмальный
дворянский манжет...
И в степи заплутавшие кони...

И, конечно, герой – молодой офицер,
Темной ночью укравший невесту, –
Интересно, останется юноша цел
Иль погибнет с красавицей-крести...

Кто-то гонится следом: ревнивый отец,
Гимназист или дохтур уездный...
И пускай их преследуют страстный купец
И кузнец – молодой и мятежный.

Стоп... А кони? А кони, вестимо,
собьются с пути –
Волчья стая сжимается веером.
Все: сомкнулась – теперь никому не уйти,
И девичья перчатка, как в книжках, –
утеряна...

Дальше что? дальше – выстрел: и падает
в снег эполет...

Кто стрелял?.. Непонятно... Наверное,
Из кибитки проезжей шархнул корнет –
У корнетов привычка прескверная...

Хорошо б в это время и встречный ямщик
Опясал кнутом молодого купца –
Это б было, друзья, средь снегов –
просто шик,
А потом бы взбодрил в три удара
корнета, отца, кузнеца.

И пошла кутерьма: даже волчий вожак
Получил два заряда в смотрелки.
Только ветер свистел в ямщиковых
вожжах,
Когда он уходил в перестрелке...

Ну, а что же она? – ни мертва, ни жива:
Женихи, кавалеры – в сугробе...
И плывет средь пурги в дальний путь
кошева,
И ямщик наклонился к зазнобе...

Слава Богу: метет и метет...
Зги не видно, а ехать – не близко.
Парус ветра рванулся вперед
И смеялся до самого Бийска...

Легкий бег

На зеленом ветру прочихался мотор,
Разогнался на семьдесят с гаком –

Степь лежит как огромный туркменский
ковер,
На котором танцуют сайгаки.

Унесенные ветром колеса кермека,
А точнее – по метру степные шары –
Посадить бы туда золотого, как степь,
человека,
Пусть его охраняют в полёте орлы.

Да, в таком аппарате летать –
нужно детское сердце:
Так хотелось тогда через марево
в даль заглянуть...
Эх, ковыль-колесо, ты для нас –
первобытное средство
Кругосветную степь под напев «калмыка»
обогнуть.

Тормоза!!! – кричат что-то с дороги
хватает,
Унося в поднебесье бежавшую только
что жизнь, –
Что ему до нее? – он опять свое небо
пलाщает,
Чтобы знали внизу все: божись –
не божись...

Всем ветрам и всем взглядам открытый
ландшафт –
Беспредельность степного сознания,
Породившие русский характер и нрав:
Одиночество – стойкость – страдания.

Лугостепье: подзол, солонец, солончак...
Жар небес через молонью павший
на травы...
Зыбкий воздух, дрожащий печалью
в очах...
Колыханье мгновенно отросшей отавы...

Не поймешь, где находится ветрораздел,
Как плывут под травой черноземные
волны –
Здесь наш этнос родился, созрел
и прозрел,
Навсегда полюбив не свободу, а в о л ю.

Оттого так причудлив наш русский
характер
С уникальным умением жить, как в степи,
И любить ее так же, как мамину скатерть
С вечным хлебом и солью:
сынрок, потерпи...

Однажды, поздней осенью

С тяжелой душой я лежал на снегу,
Зато задержал молодую пургу:
Снег тает под сердцем и в речку течет –

Там лодку вода из-под сердца – влечет.

С тяжелой душой я лежал на лугу –
Там женщина стонет в соседнем стогу,
И слезы, смешавшись с водой дождевой,
Текут вместе с лодкой и быстрой рекой.

С тяжелой душой на крутом берегу
Лежу я и лодку ее стерегу –
Там женщина в ней исступленно гребет –
За лодкой вода превращается в лед.

И с берега того, что напротив меня,
Мужчина бросается, как в полямья,
Мы оба плывем к ней, ревнуя, вдвоем,
Друг друга друг в друге себя узнаем.

А женщины – те, что живут вдоль реки,
Кричат ей: отдай! нам нужны мужики!
Она же – молчит, и дивится народ:
С глазами закрытыми в лодке гребет.

Мы вместе подплыли... но в этот же миг
Раздался с откоса пронзительный крик,
Покрылися белою мглой берега –
То мчалась неистово к лодке пурга.

Исчезли они вместе с лодкой в снегу.
С веселой душой я лежу на лугу.
На память скосил я литовкой пургу,
И кто-то смеется в соседнем стогу...

* * *

Гром давно уж гремит, а мы всё
не крестились.
И не надо. И пусть. Все равно не избыть
нам страданий и мук.
Лишь бы, мама, твои, как с иконы
печально светились
Темно-синие вены на золоте стареньких
рук...

Снова западный ветер гонит тучи
на русский восток,
Напускает на наши пределы дурной
сухостей:
Страшный Суд на картинах, взглядитесь:
правдив и жесток –
Намалеван всегда лишь на з а п а д н ы х
стенах церквей.

Это значит: опять нам сражаться,
опять подыматься с колен,
Агромадные земли штыками беречь
от страданий и мук,
Изгоняя врага на картины, что смотрят
в нас с западных стен,
И молиться на золото стареньких
маминых рук...